

сильвании, а затем президентом высшего исполнительного совета, «не возгнушался сражаться с наступавшими на него, опроверг в печати доводы своих противников и их устыдил. . . Се пример для последования, как мстить должно, когда кто кого обвиняет пред светом, печатным сочинением». . . В России нет еще в печати «сочинений любострастных, наполненных похотливыми начертаниями, дышащих развратом. . . , а на каждой улице в обеих столицах видим раскрашенных любовниц; действие более развратит, нежели слово, и пример — паче всего. Итак, цензура да останется на торговых девок, до произведений же развратного хотя разума ей дела нет». «Заключу, — говорит Радищев, — сим: цензура печатаемого принадлежит обществу, оно дает сочинителю венец или употребит листы на обертки. . . Оставь глупое на волю суждения общего, оно тысящу найдет ценсоров. Настрожайшая полиция не возможет так запретить дряни мыслей, как негодующая на нее публика» (295—304).

Признав бесполезность цензуры и даже ее вред в царстве науки, Радищев счел излишним доказывать «беспредельную пользу вольности печатания». «Великое, — говорит он, — будет [тогда] велико; истина не затмится. Не дерзнут правители народов удалиться от стези правды. . . Вострепещет судия, подписывая несправедливый приговор. Убоятся все злые строгого взора истины. Спокойствие будет действительное, ибо заквасу в нем не будет». «Ныне поверхность только гладка, но ил, на дне лежащий, мутится и тмит прозрачность вод» (304—305).

Хотя Радищев ссылается на Гердера, но берет у него мало и во многом с ним расходится. «Рассуждение» Гердера занимает 98 страниц, а все отрывки, взятые Радищевым — одну. Радищев заимствовал у Гердера лишь то, что клонится в пользу просвещения и служит в защиту свободы слова. Гердер требует, чтобы правительство наблюдало за нравами, не допускало разнузданность идей, воспрещало некоторые науки, имело надзор за молодыми людьми, которые готовятся на государственную службу или же состоят на ней, запрещало богохульные и безнравственные сочинения и прибегало к содействию благонамеренных писателей — все это не вошло в книгу Радищева. Так, например, Гердер пишет: «Я далек от того, чтобы советовать безудержную вольность или равнодушие по отношению к мыслям в особенности там, где она открыто останавливает колеса государства, делает его принципы не действительными и таким образом прямо разрушает его цели и благополучие. . . Я таким образом думаю, что государству должно быть предоставлено на волю и даже ему необходимо прямо исключать известные науки так же, как увеселения и занятия, если оно рискует не быть в состоянии согласовать их со своим принципом деятельности. . . Через устранение зла начала свою благотворную деятельность все древние законодатели; Моисей запретил идолопоклонство своему народу, а вместе с тем должен был запретить ваение и другие изящные искусства, связанные с культом богов.